

ГРИГОРИЙ ВЕДМИДЬ, АННА
МАЙНИЧЕВА, ВЛАДИМИР
МЫГЛАН

**БЕРЁЗОВО:
ИСТОРИКО-
АРХИТЕКТУРНЫЕ
ОЧЕРКИ**

Владимир Мыглан

**Берёзово: историко-
архитектурные очерки**

«СФУ»

2010

УДК 347.73
ББК 64.402.23

Мыглан В. С.

Берёзово: историко-архитектурные очерки / В. С. Мыглан —
«СФУ», 2010

Книга является результатом историко-архивных и полевых исследований группы авторов и посвящена актуальной и малоизученной теме особенностей русской архитектуры северных городов Сибири. Специфика работы заключается в сочетании естественно-научных и исторических методов изучения зданий – объектов культурного наследия. Предназначено для историков, этнографов, архитекторов, музейных работников, реставраторов деревянного зодчества, а также для широкого круга читателей, интересующихся русской архитектурой. Работа выполнена по тематическому плану Программы IX.81.3. Сибирь и Арктика: антропология, этническая история, гуманитарные проблемы. Проект «Русские и славянские переселенцы в Сибири и Арктике: опыт культурно-хозяйственного освоения территорий». Материалы представлены по итогам натурных и архивных исследований, выполненных в рамках гранта РГНФ 08-01-18094е, включая исследования МУ ИКНПЦ «Барсова гора» по договору с Комитетом культуры администрации п. Березово в 2005 г.

УДК 347.73
ББК 64.402.23

© Мыглан В. С., 2010
© СФУ, 2010

Содержание

Введение	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	38

В.С. Мыглан, Г.П. Ведмидь, А.Ю. Майничева

Берёзово: историко-архитектурные очерки

Введение

Изучение архитектурного наследия Сибири – одна из актуальных проблем современной науки. Особое значение приобретает обследование природных объектов, рассматриваемых как часть историко-культурного наследия. В настоящее время требуется зафиксировать и оценить состояние сохранившихся и имеющих историко-культурную ценность архитектурных и природных объектов, что станет основой разработки целостной системы сохранения и использования памятников прошлых эпох. Данная проблематика хорошо соотносится с вышедшим в 2002 г. Федеральном законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ. Значительное место в исследованиях должно отводиться историко-культурному наследию малых городов, как его современному состоянию, так и историческому прошлому, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, значительная часть городов многих стран прошла стадию малого города, что может свидетельствовать об общности процессов урбанизации. Во-вторых, до сегодняшнего дня во многих странах мира малые города составляют значительную часть поселений городского типа. В-третьих, в последнее время в странах Европы наблюдается изменение направления миграций населения из городских агломераций в малые и средние города. Все эти факторы говорят о насущности решения проблем в пределах не только Сибири, но и России и мира в целом.

Ко второй половине XIX в. в Западной Сибири сформировалась городская сеть с преобладанием в ней малых городов, ход развития которых в XX в. подвергся трансформационным процессам, характерным для современности. Решающими факторами необходимости оценки историко-культурного наследия в области архитектуры поселений городского типа, расположенных в северных сибирских территориях, являются: интенсивное нефтепромысловое освоение, разворачивание современной застройки в исторических поселениях, недостаточная изученность традиционного зодчества сибирского Севера, обусловленная отдаленностью населенных мест от научных центров.

Темой данной монографии стало изучение архитектурного наследия одного из первых поселений русских за Уралом – Берёзова, ныне – посёлка городского типа, административного центра Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. За почти четырех-вековой срок своего существования Берёзов не раз привлекал внимание исследователей (см. прил. 1), в первую очередь, в рамках городоведческой тематики. В XVIII-XIX вв. западносибирские поселения изучались в основном усилиями путешественников и местных краеведов. Их работы имели преимущественно описательный характер и способствовали, в основном, накоплению источниковедческого материала, в том числе и по особенностям архитектуры зданий. Среди всех северных городов Сибири в дореволюционной историографии меньше всего места было отведено Берёзову. Одни из самых ранних упоминаний о Берёзове в работах исследовательского характера содержатся в путевых дневниках Г.Ф. Миллера, написанных им во время путешествия от Сургута вниз по Оби до города Берёзова в 1740 г. во время Второй Камчатской экспедиции 1733-1743 гг. Как впоследствии было выяснено с помощью археологических исследований, сообщения Миллера о местонахождении и внеш-

них характеристиках позднесредневековых остяцких и вогульских городков и русских островов отличаются высокой степенью достоверности (Ермоленко, 2008, с. 132).

В том же 1740 г. академик Н.И. Делиль представил в академию наук записку, в которой отразил результаты своей поездки в Берёзов, куда он ездил для астрономических наблюдений. К ней было приложено несколько рисунков с изображением церквей, жилых и общественных зданий, благодаря которым можно узнать об архитектуре центральной части Берёзова (Пекарский, 1865).

Интересные краеведческие сведения о городах Сибири приводит Н.А. Абрамов, впоследствии названный «неутомимым летописцем Сибири» (Беспалова, 1987, с. 30). Его работы «Описание Берёзовского края», «Из истории Тобольской епархии», «Исторические сведения о церквях города Берёзова» посвящены и г. Берёзову (Абрамов, 1861, 1993, 1998). И.С. Поляков опубликовал очерк «Старинное и современное Лукоморье», где он помимо других вопросов описывает внешний облик города (Поляков, 1884, с. 139-178).

В 1920-1950-е гг. работы, посвященные сибиреведению, затрагивали лишь отдельные аспекты истории городов, такие как революционное движение и политическая ссылка, и нередко носили популяризаторский или пропагандистский характер. Уровень знаний этого периода по городоведению отразила четырехтомная «Сибирская советская энциклопедия» (1929-1932).

С середины 1950-х гг. начинается новый этап отечественной историографии, расширяется источниковая база, формируются новые подходы к исследованию, повышается уровень научных работ. Важным результатом становится активизация городоведческих исследований. Выходят работы по истории образования городов Сибири, в которых упоминается и Берёзов (Сергеев, 1960, 1962). В эти годы возникает несколько направлений в сибирском городоведении: собственно историческое, экономико-географическое, историко-архитектурное, что заложило базу для того, чтобы в дальнейшем выработать междисциплинарный подход к проблеме изучения города. Была издана пятитомная «История Сибири» (1968), подготовка которой в значительной степени активизировала изучение региональной истории в целом и сибирского города в частности. Вместе с тем, история и развитие архитектуры городов на ее страницах не нашли всестороннего отражения.

В 1970-1980-х гг. появился ряд работ, посвященных социально-экономическому и культурному развитию отдельных городов Сибири, их истории в целом. Одна из информативных книг – работа архитектора В.И. Кочедамова, посвященная основанию и архитектуре первых сибирских городов (Кочедамов, 1978). Для этого периода можно отметить расширение источниковой и историографической базы исследований, повышение теоретического уровня работ. Крупным центром сибирского городоведения становится в это время Новосибирск, где выходит серия сборников статей по истории и архитектуре городов региона, преимущественно по феодальному периоду, где можно найти исследования и по г. Берёзову (Города Сибири, 1974; История городов Сибири, 1977; Города Сибири, 1978; Оглы, 1980; Резун, 1981, 1987; Сибирские города, 1981; Город и деревня Сибири, 1984; Историография городов Сибири, 1984; Крадин, 1989; Резун, Васильевский, 1989).

С 1990-х гг. в сибирском городоведении кроме исторических и междисциплинарных направлений (Алисов, 1997, 1998; Дмитриенко, 2000; Ивонин, 2002; Гуменюк, 2002; Скубневский, Гончаров, 2007) активно развивается историко-архитектурное направление, включая и проблематику сохранения культурного наследия (Резун, Беседина, 1992; Баландин, 1994, Развитие исторических центров сибирских городов, 1999; Кривоносова, 2003; Курилов, Майничева, 2003). В 2000-х гг. отмечается всплеск интереса к региональной истории и Берёзову. Выходят работы А.В. Ермоленко по археологии, Е.В. Вершинина, Я.Г. Солодкина, С.В. Турова, А.Т. Шашкова по истории, В.В. Фарносовой по архитектуре (Ермоленко, 2005, 2005а, 2006, 2008; Вершинин, 2000, 2005; Солодкин, 2001, 2002, 2003, 2003а, 2004, 2004а, 2004б, 2007;

Туров, 2005, 2005а; Шашков, 2003, 2003а, 2003б, 2003в, 2004, 2007; Фарносова, 1999, 2001, 2002, 2003, 2004, 2006, 2008).

Можно констатировать, что в исторической науке усилился интерес к городу и его историко-культурному наследию как объекту исторического изучения (Резун, 1997, с. 23). Проведено несколько конференций по этой проблематике, издан ряд сборников научных статей, популярным жанром становятся региональные исторические энциклопедии и летописи истории городов. В настоящее время накоплен значительный материал по историко-культурному развитию Берёзова, однако совершенно недостаточно разработана тематика фиксации и сохранения его архитектурного наследия.

В связи с этим наряду с историческим экскурсом в прошлое, анализом таких источников, как Памятные и Справочные книжки Тобольской губернии, Описание Тобольского наместничества, материалы Тобольского архиерейского дома, Верхотурские грамоты, Дополнения к Актам историческим, неопубликованные архивные дела, содержащиеся в Государственном архиве в г. Тобольске (ГУТО ГА, Ф. 156), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Ф. 214), Санкт-Петербургском отделении Архива Российской академии наук (СПБО АРАН, Ф. 21), к которым авторы применили историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования, был избран документальный подход, который предполагает подробную фиксацию ныне существующих памятников архитектуры Берёзова. Были выполнены описания исследуемых объектов и их фотофиксация. В настоящее время это единственная возможность сохранить хотя бы в ограниченной форме архитектурные и природные памятники, которые могут быть безвозвратно потеряны, о чем свидетельствуют наблюдения авторов, ведущиеся с 2003 г. по настоящее время. За данный период было уничтожено как минимум три объекта: мост «на ряжах», здание редакции-типографии, амбар по ул. Быстрицкого, 23.

Особую важность приобретает вопрос, связанный с определением времени постройки памятников зодчества. Не секрет, что для многих даже хорошо известных архитектурных объектов вопрос о времени их возведения остается открытым (например, дата постройки Зашиверской церкви до недавнего времени определялась как рубеж XVII – XVIII вв., Казымского острога – первая треть XVIII в.). В определенной мере это связано с тем, что вследствие пожаров, плохих условий хранения, небрежного отношения письменные источники, проясняющие ситуацию, не дошли до наших дней. Поэтому приходится прибегать к перспективным в этом направлении естественнонаучным методам исследования, в первую очередь к дендрохронологическому. Применительно к изучению архитектурных комплексов памятников деревянного зодчества это позволяет путем выполнения массовых датировок детализировать строительную историю и привнести в исследования четвертое измерение – время. Для территории Сибири массовое обследование архитектурных памятников в рамках одного поселения предпринято впервые. Наиболее близким аналогом представленной работы являются исследования Б.А. Колчина и Н.Б. Черных (Колчин, 1972; Колчин, Черных, 1977), выполненные для Великого Новгорода и европейского Севера России.

Образцы с обследованных архитектурных памятников отбирались специальным буром для взятия образцов из сухостойной древесины и представляют собой керны диаметром 9 мм. Использование такой технологии позволяет минимизировать ущерб, наносимый архитектурным памятникам, и целенаправленно, точно отобрать образцы с участков брёвен, сохранивших последнее прижизненное кольцо (зачастую содержащие чешуйки коры). Всего в 2008 г. в ходе экспедиционных работ были отобраны образцы с 19 памятников деревянного зодчества, расположенных в п. Берёзово.

Учитывая, что основным материалом при строительстве служила древесина сосны сибирской (*Pinus sibirica* (Rupr.) Mayr), для датировки памятников по стандартной методике (Шиятов и др., 2000) была построена 336-летняя древесно-кольцевая шкала (с 1673 по 2008 гг.) для

участка кедрового леса, расположенного в двух километрах к северу от п. Берёзово. Измерения ширины годичных колец были выполнены на полуавтоматической установке «LINTAB» (с точностью 0,01 мм). Датировка измеренных серий была выполнена посредством сочетания графической перекрестной датировки (Douglass, 1919) и кросскорреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL (Holms, 1984) и «TSAP V3.5» (Rinn, 1996). Более подробно с некоторыми аспектами отбора образцов, выполнения датировки можно ознакомиться на сайте myglan.com.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения, а также научного аппарата (списков литературы, сокращений) и приложений, поясняющих основной текст. Введение написано А.Ю. Майничевой и В.С. Мыгланом. Первая глава «Архитектура Берёзова в XVI–XIX вв.: историческая справка» и заключение принадлежат перу А.Ю. Майничевой. Вторая глава «Исторический ландшафт Берёзова» написан совместно всеми авторами. Третья глава «Архитектурное наследие Берёзова» создана усилиями двух авторов – В.С. Мыглана и Г.П. Ведмидя. Современные фотографии, если не указано особо, выполнены авторами. В приложениях представлены библиографический указатель, графическая перекрестная датировка памятников п. Берёзово и гистометрический анализ древесины. Дендрохронологический анализ памятников сделан В.С. Мыгланом. Архитектурные обмеры и кроки выполнялись Г.П. Ведмидем. Графические реконструкции Берёзова по описаниям 1636 г., рисунки города и острога созданы А.Ю. Майничевой.

Авторы пользуются случаем выразить благодарность Е.А. Савинкиной, оказавшей неоценимую помощь в составлении библиографии, Т.Н. Галкиной и Н.А. Березикову, участвовавшим в сборе материалов по истории г. Берёзова, а также всем коллегам, своими доброжелательными критическими замечаниями способствовавшим выходу книги в свет.

Глава 1

Архитектура Берёзова в XVI-XIX вв.: историческая справка

Берёзов город – одно из ранних русских поселений в Сибири, возникших как перевалочный пункт, через который по речкам и переволокам русско-зырянские промышленники могли добраться до Мангазеи, минуя опасный и доступный лишь несколько месяцев в году морской путь (рис. 1). Еще до постройки «государева» города в этой местности был известен остяцкий городок Рус-Ваш или Русский, так как через него проходил северный путь за Урал. Заложение русскими здесь первой крепостицы можно отнести ко времени похода московского воеводы Семена Курбского «за Камень» в 1499 – 1500 гг. (Резун, Васильевский, 1989, с. 16, 108). Известному исследователю Сибири XVIII в. Г.Ф. Миллеру старожилы Берёзова указали на следы старой дороги, когда-то проходившей между Берёзовом и Ляпином. Остяки называли эту дорогу Зырян-юш, т.е. зырянская дорога, а русские – Русским тесом, так как чтобы не заблудиться в пути, на деревьях тесали (рубил) знаки. Н.А. Абрамов пишет, что дорога была известна под названием Русской засеки (Абрамов, 1993, с. 25).

Архитектура Берёзова XVI-XVII вв. отражала особенности крепостного зодчества Сибири. Первый «государев» острог был возведен в конце XVI в., возможно, одновременно с Тобольском в 1587-1588 гг. (Резун, Васильевский, 1989, с. 109). Представить точный архитектурный облик его построек того периода сложно, так как никаких документов не сохранилось. Но с большой степенью вероятности можно говорить о создании типичного торгово-промышленного городка, имевшего *«стены сажень по тридцати, а с приступную сторону ... в глине место камнем»* заложенного (Дополнения к Актам историческим, 1846, с. 170), поскольку именно так московским правительством предписывалось Г. Строганову возводить подобные Берёзову городки для «сбережения» его владений (рис. 2).

Летом 1593 г. отряд князя Н.В. Траханиотова и письменного головы А. Благова (по другим данным в постройке участвовали кроме князя Траханиотова князь Михайло Волконский и голова Иван Змеев – см. Отписка тобольских воевод князей Михаила Темкина-Ростовского и Андрея Волынского с приложением выписки о строительстве Берёзовского острога (РГАДА. Ф. 214. Ст. 178. Л. 21-21об.) срубил город и острог Берёзов.

ежегодно заливаемая при половодье. Лишь возвышенный северный берег Сосьвы в 20 км от ее впадения в Обь не подвергается наводнениям. Вместе с тем, от градостроителя требовалось не только обоснованно выбрать место *«где пригоже»*, но и предусмотреть возможности хозяйственного самообеспечения жителей: *«... в котором месте в остроге под дворы ... землю роздайшь... и что каких крепостей кругом острогу и каких угодий будет ...»* (цит. по: Скалон, 1951, с. 154). Берёзов был «непашенным» городом, куда доставлялись многие припасы, включая продовольствие, утварь (рис. 3) и орудия труда (Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в., 1982. Т. I. С. 75, 113, 124. Т. II. С. 191), однако оставались проблемы водозабора, обеспечения лесом для строительства, возможности для охоты и рыбной ловли.

Первые сибирские крепости возводились преимущественно на возвышенных местах на берегу рек. В месте основания города р. Северная Сосьва в своей нижней части течет почти параллельно р. Оби, между обеими реками местность пониженная, всюду прорезанная протоками и

Рис. 1. Города, остроги и зимовья Сибири в XVII в.

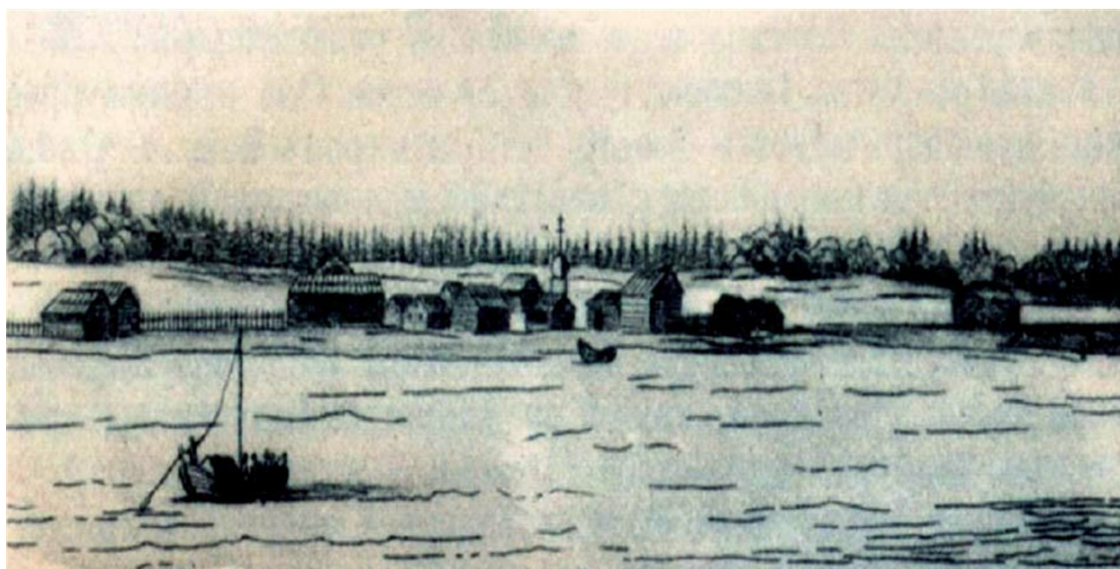

Рис. 2. Типичный северный русский поселок, рисунок XVII в.

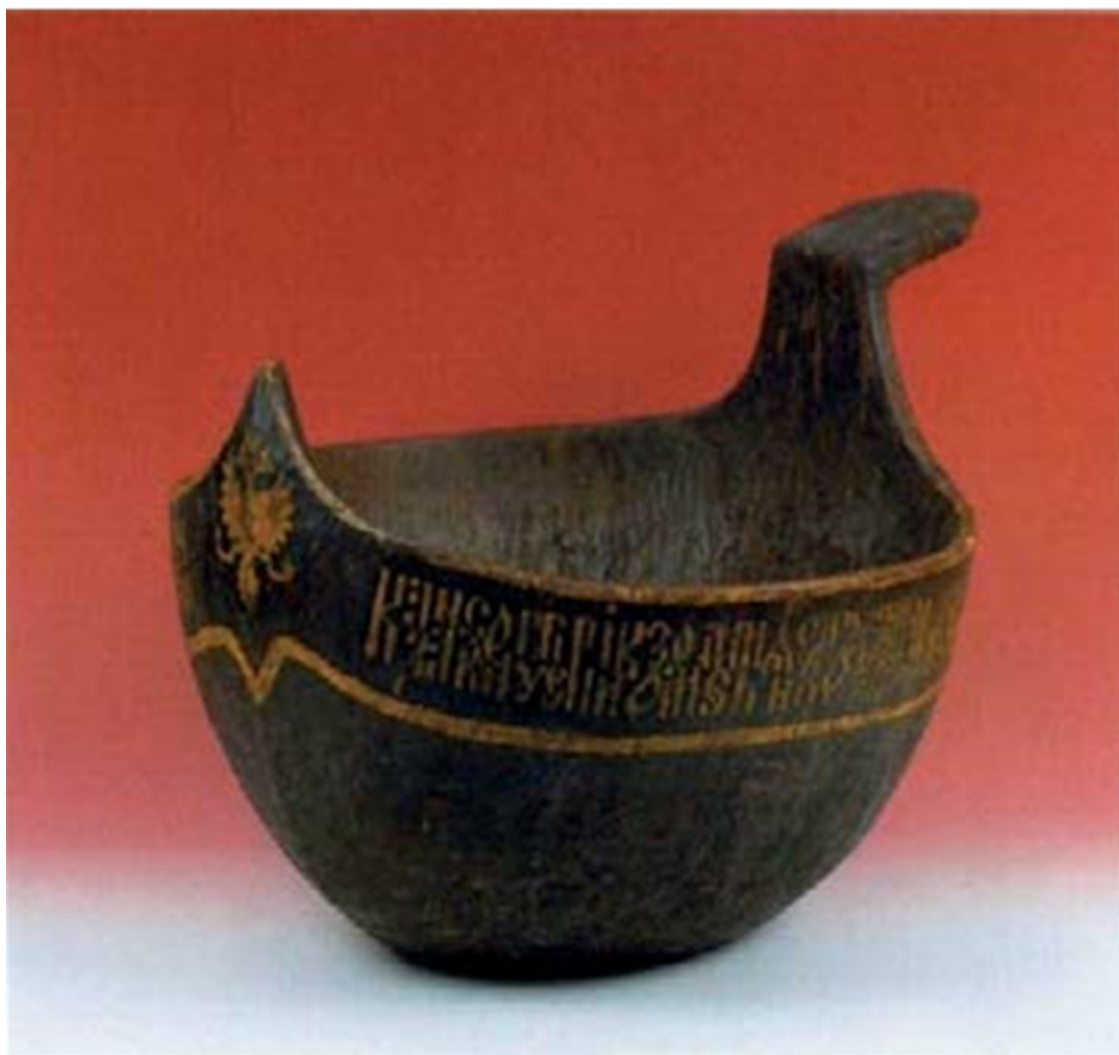

Рис. 3. Деревянный ковш московской работы. XVII в. Из коллекции Тюменского краеведческого музея

Выбор места для крепости был «подсказан» местными жителями, точнее, их опытом и знанием местных условий, а также стремлением русских к адекватному внедрению в существующую среду, как природную, так и социальную: воевода Никифор Траханиотов «*возле бывшего остяцкого городка Сумгутвоиш вместо временного казачьего укрепления основал русский город Берёзов (сумгут – остяцк. «берёза»)*» (цит. по: Герасимов, 1909, с. 15). Миллер сообщает, что вогулы также называли городок Халь-уш, (хал – вогульск. «берёза») (Миллер, 2000, с. 205). Тогда же была сооружена соборная церковь Рождества Богородицы и налажено снабжение ее «церковным строением» – иконами, ладаном, вином. В 1607 г. грамотой Василия Шуйского воеводе С.С. Годунову и голове А.Ф. Загряжскому сообщалось о посылке с Матвеем Есиповым и Семеном Бурцовым припасов и книг: «*...на Березов ведро вина церковново, 3 гривенки ладану, пуд воску, стопа бумаги пицой ... Да на Березов послати к Рождеству пречистой Ахтай (Октоих) на 8 гласов, Миняя общая печатная в полдесть, Служебник печатной в полдесть, сосуды церковные, деревянные, кадило меденое, ризы поповские со всею службою, да книга богородичные тех же Охтаев в полдесть*» (Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в., 1982. Т. II. С. 191.).

Берёзов был построен в виде рубленого города с острогом, примыкающим со стороны р. Вогулки. Была заложена Троицкая церковь с Никольским приделом. Но работы велись в спешке, поскольку часть сил была пущена на строительство Пельма. Скорее всего Берёзов того

времени был небольшой крепостью, внутри которой кроме амбаров, культовых зданий, дома или двора воеводы находилось жилье для казаков. Население состояло только из небольшого числа служилых люди, поэтому не было посада.

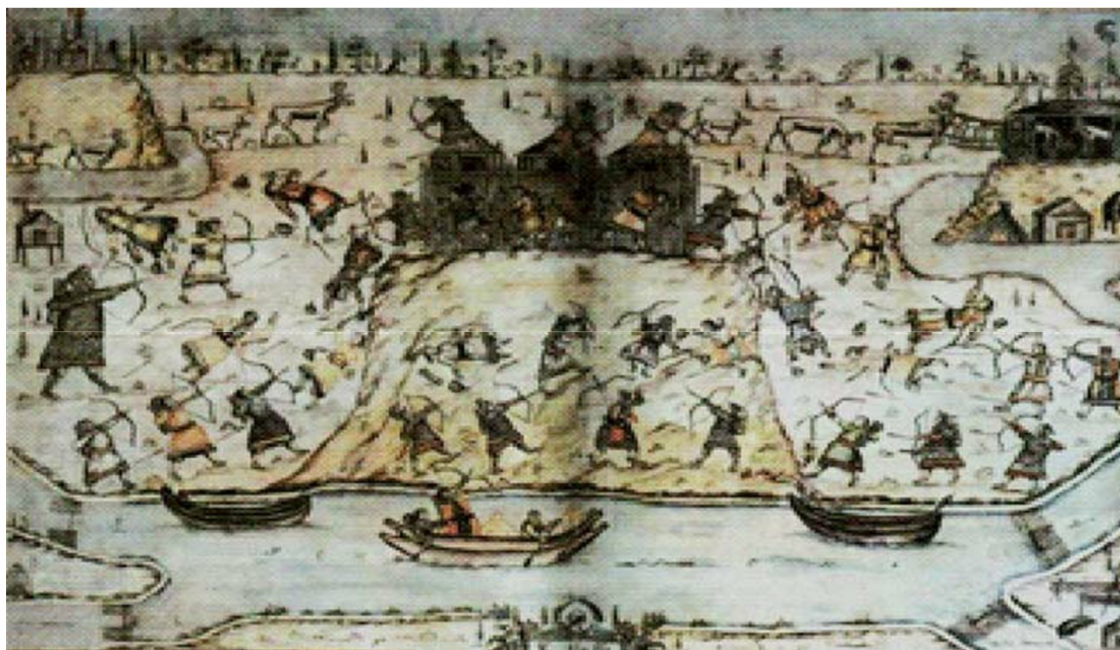

Рис. 4. Оборона крепости на Оби

К 1600 г. недостроенные укрепления разрушились. Г.Ф. Миллер ссылается на грамоту, в которой указано, что «...строение было непрочное, ибо в 7108 году (1600 г. по новому стилю. – А.М.) по приобщенной при сем грамоте уже две городские стены были весьма ветхи, а острог так згнил, запотребно рассуждено построить новый» (Миллер, 2000, с. 280). В грамоте царя Бориса Федоровича в Берёзов воеводе Ивану Волынскому (1600 г.) сообщалось: «...как вы приехали на Березов и взяли у Василия Плещеева да у Тимофея Лазарева по нашему указу город и ключи городовые и острожные, и на городе наряд, и город в дву местех пощелался и башни и город во многих местех был непокрыт... и острог сгнил и розвалился весь... и город и башни покрыли, и в городе велели сделать для остяцкого обиходу погреб, да и острог поставили новой» (Миллер, 2000, с. 379). Поскольку Берёзов находился в зоне боевых действий (запечатлены на некоторых старых рисунках, рис. 4), особое внимание было уделено необходимости починить пушечные станки и сделать амбразуры для стрельбы по правилам: «...и станки у наряду перепорчены, и окна на башнях пересечены не по наряду; и вы у башен велели окна просечь по мере, да сделали к наряду 12 станков новых и железом оковал». Обычно для пушечной стрельбы прорубались более крупные бойницы, размеры которых составляли обычно 30х40 см. Бойницы обязательно должны были соответствовать «наряду» (Крадин, 1988, с. 92).

Рис. 5. В нижней части стены Южной башни Казымского острога видна амбразура «пищального боя». ИАМ ИАЭТ СО РАН. 2002 г. Фото А.Ю. Майничевой

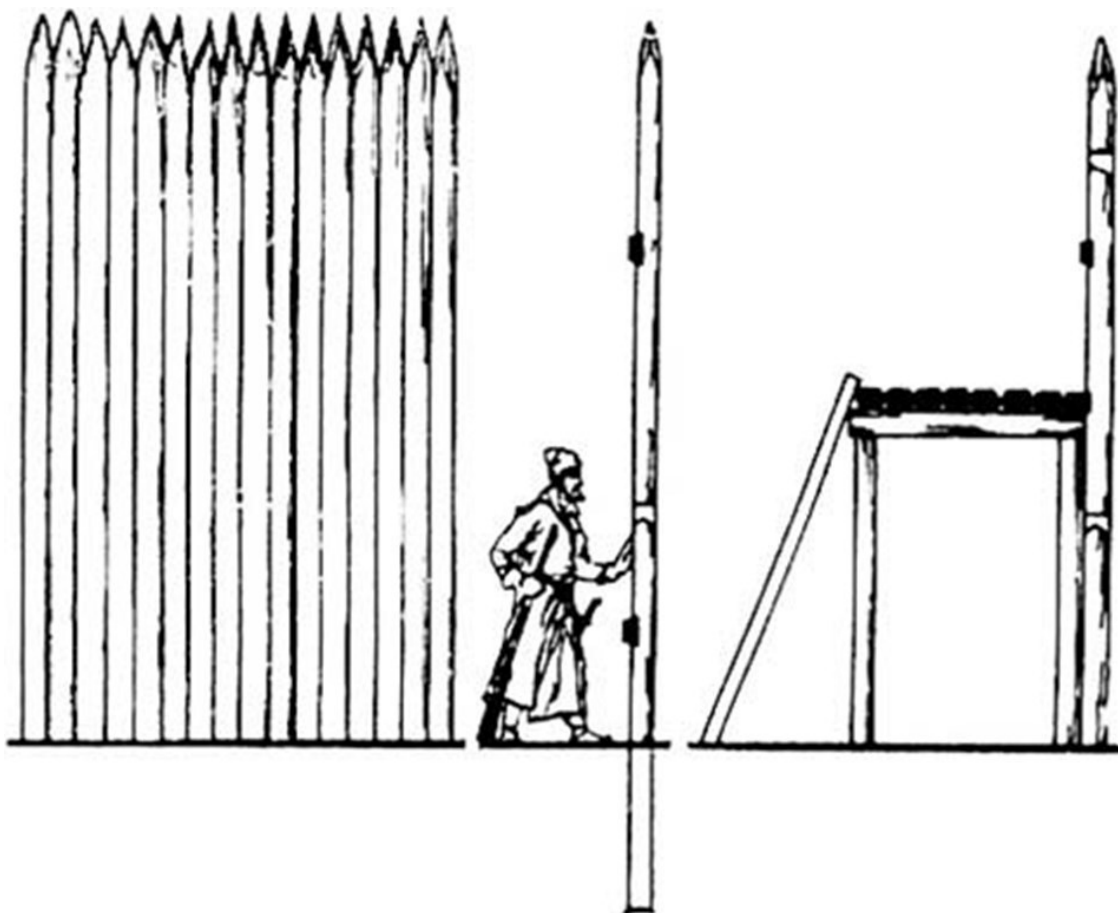

Рис. 6. Устройство тына

Для «пищального боя» делали небольшие отверстия с затесками, чтобы уменьшить «мертвое пространство» при стрельбе (рис. 5).

Более точно представить внешний вид и набор зданий внутри крепости можно благодаря материалам сибирских летописей, которые были обобщены в Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.: *«места ... оградждались деревянными, преимущественно дубовыми, редко каменными стенами (рис. 6). Город состоял из двух бревенчатых стен, идущих параллельно одна с другою на несколько аришин в промежутке; иногда в видах лучшего укрепления местности, занимаемой городом, в этом промежутке полагались кресты из дубовых же балок, которыми связывались обе городовые стены. Внешняя стена города составлялась из «городен» или полотен, прикрепленных концами звеньев к следующей городне. Позади каждой городни, чрез несколько аришин, пристраивалось одинаковой длины другое полотно «пригородок», которое концами бревен тоже связывалось со следующим пригородком. Из пригородка составлялась внутренняя стена города. Вид города имел различные формы: ... в виде треугольника, ... четырехугольника, ... многоугольника, стены которого то суживались внутрь, то расширялись в разных направлениях, смотря по удобствам местности. По городской стене устраивались башни о четырех и о шести углах; первые были одинаковой с городнею длины и ширины, ибо строились в длину одного бревна, как городня или полотно, но вышина была различна, от 5 до 15 сажень (от 10 до 30 м – здесь и далее пересчет автора. – А.М.); они имели форму высокого амбара, покрытого тесовою остроконечною крышею. Под некоторыми из них были ворота вышиною от одной до 3 сажень (около 2 – 6 м), отчего таковые башни и назывались «проезжими». Главная башня с большими въезжими воротами называлась «вестовою» потому, что на ней висел вестовой колокол и у нее был постоянный караул, наблюдавший за наступлением неприятеля; прочие же башни, на которых также находился караул, назывались караульными или сторожевыми. По башням и городням расставлены были медные пищали «полковые и затинные» (Дмитриев-Мамонтов, Голодников, 1884, с. 71-74). Дальнейшие исследования археологов, историков и архитекторов в основном подтвердили это описание (Алексеев, 1996; Артемьев, 1989, 1996, 1996а; Баландин, 1974; Баландин, Вилков, 1977; Белов, Овсянников, Старков, 1980, 1981; Бородовский, 2002; Васильевский, Молодин, Седякина, 1978; Историко-архитектурный музей под открытым небом, 1980; Колесников, 1986; Косточкин, 1962; Кочадамов, 1960, 1963, 1963а, 1978; Крадин, 1978, 1980, 1986, 1988; Курилов, Майничева, 2001, 2003; Люцидарская, 1986; Майничева, 2005; Резун, Васильевский, 1989), пожалуй, сомнения вызвал только материал стен – «дубовые», в Сибири дуб не растет. Укрепления строились, несомненно, из подручного леса – сосны, лиственницы, берёзы, а иной раз из материала ладей и кочей (рис. 7).*

Рис. 7. Старинное русское судно – коч. С гравюры XVII в.

Рис. 8. Ханты. Гравюра из книги И. Идеса. 1706 г.

В районе впадения р. Сосьвы в р. Обь было неспокойно – это была территория проживания вогулов и остяков (рис. 8), социально-политическая верхушка которых вела междоусобные войны, сопротивлялась присутствию русских, поднимала восстания.

Последствия «смутного времени», в Нижнем Приобье, длившиеся до середины XVII в., сказались и на Берёзове. Несколько раз город был осажден, но атаки были отбиты, а восстания подавлены. В грамоте царя Михаила Федоровича архиепископу Киприяну от 19 декабря 1621 г. говорилось: «... А березовские служилые люди литвин Копоско Григорьев да казаки Первушка Яковлев, Тренка Иванов в роспросе сказывали: В Сибири де Березов город и острог поставлены блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси, тому де двадцать восемь лет (1593 г. – А.М.). А поставлен тот город для того, что в том месте были многие остяки и самоедь, а нашего ясаку с себя не платили. И ис Тобольска де воеводы посылали к тем остяком и к самоеди тоболских служилых людей для нашего ясаку. И те де остяки и самоедь тоболских служилых людей побивали... А которые де торговые люди езживали с Руси и ис Тоболска в Монгазею со всякими товары, а из Монгазеи к Руси и в Тоболск, и те де остяки и самоедь торговых людей побивали же. И как де город и острог поставили, и березовские де остяки и самоедь к городу и острогу приступали и острог де выжгли, и многих наших служилых людей побили. ...с Москвы прислан де был князь Петр Горчаков да Олександра Хруцов с служилыми людьми... И тех остяков и самоед привели под нашу царскую высокую руку и ясак с них взяли... А в Березове де ныне служилых людей и ружников триста пять человек...» (Тобольский архиерейский дом в XVII веке, 1994, с. 184).

Острог позволил закрепиться на северных территориях, взять под государственный контроль поток вольнонародной колонизации по основной водной магистрали Мангазейского морского хода, а также беспрепятственно собирать ясак (миниатюры из летописи Ремезова иллюстрируют один из таких эпизодов, рис. 9). С 1600 г. в Берёзове действовала таможенная застава, которая контролировала южный путь от устья притока Оби Соби на Тобольск.

Берёзов становится речным городом со значительной судовой верфью. Уже в 1601 г. в Берёзове были построены четыре бота и два коломета, на которых казаки спустились по р. Оби до ее устья, осмотрели Обскую и Тазовскую губы, собирая дань, а оттуда дошли до «Студеного моря» (Щеглов, 1993, с. 53) – Северного Ледовитого океана (строительство и починка судов были одним из важных дел для сибирских городов, стоящих на реках, рис. 10).

В Росписи сибирским городам и острогам указывалось, что «... из Березова ... посылают ко государю к Москве государску ясачную казну и мяхкую рухлядь через камень, а ходу от Березова до Руси Обью рекою ... в стругах до камня 4 дня, а от камня сухим путем волоками 2 недели, ... Усою рекою вниз воды до Печоры реки 10 дней...», а «... к Березову водяным путем, как посылают из Тобольска на Березов государевы хлебные запасы с служивыми людьми, в дощаниках и в лодьях. Ходу Иртышом рекою вниз воды до Иртышского устья ходу 9 дней, а от устья Иртыша реки Обью рекою вниз воды ходу 10 дней; а от Оби реки Обскою протокою до Соби реки пол-днища, а Собыю рекою вниз воды ходу пол-днища ж. А зимним путем от Тоболска к Березову лошадами ездю до Иртышского устья неделя, а гоняют тоболские захребетные и ясачные татаровя от волости до волости. А от Иртышского устья ходят нартами на собаках Сургуцкого уезду государевы ясачные остяки до Сотниковых юрт, 4 дни ходу; а от Сотниковых юрт до Березова нартами ж на собаках ходят князь Дмитриевы Остяки Алачева до Березова 5 дней» (цит. по: Титов, 1890, с. 17-20).

Рис. 9. Сбор ясака. Миниатюра из Ремезовской летописи

Рис. 10. Слева – починка лодки, гравюра XVII в.; справа – плавание по сибирским рекам, миниатюра из Ремезовской летописи

В 1668 г. в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича был выпонен Чертёж всей Сибири, в котором были сведения о путях к сибирским поселениям. В нем говорилось о трудностях пути в тех краях: *«от Самаровского яму вниз по Иртышу и по Оби рекам мимо Коцкой монастырь и мимо устье реку Сосьвы до Березова водой ходят в 6 дней. От Березова мимо Обскую и Обдорскую застав до Мангазейского моря по Оби же реке вниз ходят в 12 день, а*

за море перебегают парусом до усть Тазу реки в четверы сутки: страстен и страшен всегда от ветров ход. А с усть Тазу реки до города Мангазейского вверх по Тазу реке перебегают парусом в четыре сутки, а бечевой ход нуржен. А от Мангазейского города до Туруханского зимовья водным путем ходят в малых судах недели по три, по 4, а на половине промеж речек Волочанок волоку на версту через гору» (там же, с. 37).

В 1601 г. был построен новый острог. В 1605 г. за его пределами была возведена Воскресенская церковь, а в 1607 г. ее хотели включить в стены нового, большего, острога (Резун, Васильевский, 1989, с. 109). В грамоте воеводе Петру Черкасскому от 1 апреля 1607 г. говорится: *«Да в прошлом в 113-м году березовские служилые люди воздвигли храм во имя Воскресенья Христова за острогом; да они ж поставили у того нового храма за острогом для острожной тесноты, 15 дворов. И быют нам челом березовские служилые люди, чтоб ... велети им для храму и для острожной тесноты острогу прибавить..., ... и вы б на городовое и на острожное дело велели лесу выронити березовским служилым людям.... Да торговым тутошним жителям и приезжим людям всяким и ярыжным казакам, а выроня лес, велели пригнать водою, да как лес на Березов пригонят, и вы б у города которые худые места велели поделати и острогу прибавити теми же людьми» (СПбО АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 138 об.).*

Хотя уже в 1621 г. решался вопрос о смене и уменьшении берёзовского гарнизона: *«С Березова города служивых людей свести в сибирские хлебные города, разобрав, которые пригодятся к конскому сидению (рис. 11). Половина в Томский город... А достальным бы березовским служилым людям жить в Тоболску. А на Березов бы посылать вперед годовальщиков по сту человек, так же, как и в Монгазею. А впредь де Березов город mocno держати пятьюдесятью человеки» (Тобольский архиерейский двор, 1994, с. 182), угроза нападения остяков и вогулов оставалась острой: *«будет в ясачных людях шатость и городом поруха ... казне будет убыль великая» (там же, с. 184),* поэтому с момента основания города до начала XVIII в. значительный по размерам гарнизон оставался в городе, а крепостные укрепления несколько раз перестраивались и расширялись, в целом оставаясь на *«прежнем городском месте».**

В зависимости от количества жителей и размеров города различался состав построек. Однако если говорить о типичном хорошо развитом городе, то набор построек был регламентирован. Обычно там стояли церкви, съезжая изба, игравшая роль помещения для канцелярии и управления делами, воеводский двор, *«казенный государев двор»* с хлебными житницами и погребами, где хранились припасы (*«зелье, свинец в ядрах и брусках и сера горячая»*), дома городских священников, дьяконов, дьячков и просвирниц, воротных и городских сторожей, приказчика, который принимал и хранил казенные запасы, подьячих, стрельцов, пушкарей, бобылей, детей боярских, кельи для бедных вдов и сирот. Иногда города были окружены с двух или трех сторон еще одной стеной – *«острогом»*, который защищал *«посад»*, где жили обыватели.

Рис. 11. Казаки составляли значительную часть населения сибирских городов. Сибирские казаки. Гравюра XVIII в.

В остроге также устраивались башни. Остроги могли строить отдельно от города или пристраивать к нему, чтобы разместить как можно больше жителей. Посад разделялся на слободы, в которых кроме посадских людей и мещан жили служилые, были слободы казацкие и стрелецкие (*«жили бобыли, не платившие оброка, пушкарки, казенные кузнецы и плотники, пивовары, площадные подьячие, крепостных дел писцы»*), слободы земских посадских людей или земледельцев, ямские слободы, где жили ямщики.

Купцы, гости и зажиточные посадские люди селились ближе к городу, так как против городских больших ворот обычно находилась площадь с лавками, гостиним двором, кабаком, аманатским двором с избами, окруженными тыном. С открытой, «полевской», стороны острог и город были обведены рвом и валом, ограничивавшими посад. В крупных городах за острожным рвом находились веси, слободы и слободки, где жили мастеровые, ремесленники. От границ слобод начинался *«пригородный стан с селами, деревнями, починками, пустошами, селениями, займищами»* (Дмитриев-Мамонтов, Голодников, 1884, с. 73-74).

Численность населения Берёзова росла. В 1608 г. там проживало 323 человека, в 1645 г. одних только казаков насчитывалось 260 чел. В 1740-е гг. казаков было 167 чел., а людей «податного сословия» (мещан, разночинцев, крестьян, рис 12) числилось 397 человек мужского пола (Резун, Васильев-ский, 1989, с. 110). Изменялась и росла застройка поселения.

Рис. 12. Слева – посадские девицы, XVII в., на одной из девиц меховая шапка; справа – жители Сибири, с гравюры начала XVIII в.

В 1636 г. в Москву была направлена отписка тобольских воевод князей Михаила Темкина-Ростовского и Андрея Волынского с предложением по строительству Берёзовского острога (РГАДА. Ф. 214. Ст. 178. Лл. 21 – 42 об.; Первое столетие сибирских городов. XVII век, 1996, с. 72–78), в которой указывалось на многочисленные неполадки в конструкциях башен, городен и тына: «городовые четыре стены все згнили и завалились и башни огнили ж...», кроме того, «поделать-де и укрепить тех городовых стен и башен некоторыми мерами не мочно, и на башнях наряду быти нелзе», т.е. починить стены и башни невозможно, а на башнях нельзя разместить пушки. Вместо городских стен поставлен более ненадежный «острог стоячей» – тын. Воеводский двор, стоящий в стене, подмыло водою, потому что он был поставлен близко к берегу, который осыпался в реку. Не было положенных по фортификационным правилам «крепостей... и слухов, и подкопных мест, и рву».

Чтобы установить объем предстоящей работы, требовалось «*послати ис Тоболска на Березов, кого пригож и кому городовое сметное дело было заобычей, и велети того высмотрить и сметить гораздо, новой ли город и острог на Березове ставить или старой город и острог поделати мочно, и сколко какова лесу на новой город и на острог или на старой город и острог на поделку надобно, и сколь далечо тот лес от города будет, и какой лес, и колкими людьми ево изготовить, и в сколко месяц новой город (и) (о)строг зделать или старой город и острог починити мочно*». Благодаря тому, что тобольский сын боярский Павел Хмелевский провел необходимые расспросы и выполнил сметную роспись, можно реконструировать внешний вид и план Берёзова, каким он был на момент описания, т.е. около 1636 г.

Расспросы велись по следующей программе: «*велено про Березовской город и острог роспросити и сыскати в Тоболску всякими людьми всякими сыски накрепко, сколь давно, и в котором году, и какими людьми на Березове город и острог ставлен, и одними ль березовскими служилыми и всякими людьми или и иных сибирских городов, и будет иных сибирских городов служилыми людьми, и ис которых городов, и по сколку человек на Березов для городского дела служилых людей посылаю было, и что тем служилым людям, которые для того городского и острожного дела посыланы были, государева жалованья на подмогу давано, и вперед на*

Березове старому городу и острогу без поделки быть мочно ль. И будет по сыску на Березове город и острог худ и вперед им бес поделки быть нельзя, и ис Тоболска велено послать для досмотру и городовоу сметы на Березов, кого пригож, и того высмотрить и сметить, новой ли город и острог на Березове ставить или старой город и острог поделатъ мочно, и сколько какова лесу на новой город и острог или на старой город и острог на поделку надобно, и сколь далеко тот лес от города будет, и какой лес, и колкими людьми ево изготовити, и в колко месяц новой город и острог зделати или старой город и острог починити мочно. Да ис той сметной росписи перечневую выписку велено прислати ко государю к Москве с ыными государевыми делы вместе». Выяснилось, что сведения в берёзовском городском списке 1635 г. отличались от того, что рассказывали берёзовские служилые люди. Список: «...каков городовой список прислал в Тоболск з Березова воевода Офонасей Талачанов, написано: ставили-де Березов-город и прежней острог воеводы Микифор Траханиотов, да князь Михайло Волконской, да голова Иван Змеев во 101-м году ратными людьми з земель вятчаны, и пермичи, и вымичи, и усолцы, и служилыми людьми всею ратью, а с ыных с которых городов служилые люди были ль, и тово в том городском списке не написано». Служилые: «И тобольской конной казак Исачко Еремеев, стрелецкой десятник Васка Незнаха, сургуцкой казак Якушко Юрьев Вергун в роспросе сказали. Поставлен-де Березов-город блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси, а ставили ево воеводы Микифор Траханиотов да князь Михайло Волконской даточными людьми, а даточные люди были с земель: с Вятки, с Перми, с Выми, от Соли Вычегоцкие – да ратными людьми, которые присланы были на Березов на житье. А в котором-де году Березов-город ставлен и сколько даточных людей з земель у тово городского дела было, тово они не ведают, потому что у того городского дела не были, Исачко да Васка в ту пору служили в Тоболску, а Якушко Вергун на Таре.

А берёзовской казак Трофимко Семенов сказал. В прошлых-де годах блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси посланы были с Москвы в Сибирь Березова-города ставить воеводы Микифор Траханиотов да князь Михайло Волконской да голова Иван Змеев, а с ними послано было на житье на Березов-город ратных людей триста человек, а прибираны те ратные люди на Москве, да на Коломне, да в Переяславле-Резанском, да им же де велено взяти з земель даточных людей: с Вятки, с Перми, с Выми, от Соли Вычегоцкой – полтораста человек. И воеводы-де Микифор Траханиотов да князь Михайло Волконской да голова Иван Змеев с ратными и з даточными людьми пришли в Сибирь на Верхотурье через Лозву зимним путем, а Верхотурья-де и Туринсково острогу в ту пору не было. А весною де, пришед на то место, где ныне Березов, город и острог поставили одним летом, только города покрыть не успели. И которые-де ратные люди присланы были на житье, те учили селитца дворами, а даточные-де люди, перезимовав зиму, роспущены по домам, а опричь-де трехсот человек ратных людей да полтораста человек з земель даточных людей, у того городского дела ни ис которых городов людей не было». Как бы то ни было, участие в строительстве выходцев с Русского Севера было установлено. Острог был поставлен за один летний сезон, были выполнены все строительные работы кроме покрытия кровель на городнях. Несмотря на возникшие неудобства в виде осыпающегося берега крепость своего местоположения не изменяла, вероятно, ввиду его стратегического преимущества.

По берёзовскому сыску П. Хмелевского «9 человек берёзовских казаков, которые служат на Березове исстари, 1 человек пушкаръ, всего 10 человек» дали уточняющие сведения: «они ведают, что Березов-город и прежней острог поставлены при воеводах при Микифоре Траханиотове да при князе Михайле Волконском да при голове при Иване Змееве во 101-м году, а лес-де сечен на том месте на корени, а ставили-де ратные люди з земель: пермичи, соливычегоцкие вычегжаня, вымичи, сысоличи, а прислано-де было всех даточных и ратных людей 300 человек, а подмога им давана в тех городех: в Перми, у Соли Вычегоцкой, на Вычегде – с миру, а сколько им на подъем из миру денег дано, тово-де они не ведают. А служилые-де люди

Березова-города не ставили и лесу на городовое дело не ронили, а были в те поры на отвожных караулах от остяков и в розсылке на государевых службах. А иных-де сибирских городов служилых людей у того городского дела не было». Люди, появившиеся в Берёзове позже, говорили о том, что им более известно, а именно о новом остроге и Лесной башне: «А 2 человека детей боярских, 2 ж человека атаманов, 140 человек казаков, 1 человек пушкарь, 1 человек городской воротник, 1 же человек острожных ворот воротник, 5 человек приезжих торговых людей, и всего всяких людей 152 человека, сказали. Сколь-де давно, и в котором году, и какими людьми на Березове город и острог ставлен, и колкими людьми, про то они про все не ведают, потому что они приехали на Березов после того, как город и острог ставлен, а иные на Березове породились после же городского ставленья. А то-де они ведают, что на Березове новой острог и башня Лесная поставлены в прошлом во 125-м году (1617 г. – А.М.) при воеводе при Беленице Зюзине да при Василье Нармацком, а ставили острог и башню они, березовские служилые люди и ружники, всем Березовским городом, а ставился-де им острожной жеребей, oprичь башни, всякому человеку по двадцати алтын и болиш, потому что лес от Березова удалел. А в то-де время было на Березове служилых людей, и ружников, и оброчников 330 человек, и ис того-де числа по государеву указу переведено в Томской город на житье восемьдесят семей».

П. Хмелевский очень подробно описал отдельно город и острог, причем, видимо, для того, чтобы можно было точно составить смету на починку, приведены размеры построек и сооружений. Все предложенные автором реконструкции учитывают особенности строения башен в XVII в. и их размеры. В росписи указано, что «...всего на Березове в городе 4 башни, 2 с ворота, а 2 ж глухие». Первая постройка, с которой начато описание, – проездная городовая Спасская башня (рис. 13): «у Березовского города городовая первая Спасская башня четвероугольная с ворота, которыми въезд в город из острогу, с углами 4 сажени без четверти, а лес в стенах средней, в трубе от вершины в 5 вершков бревно, а от земли вверх до обламов рублена по 35 рядов в стене, а над обламы до режу рублена по 15 рядов в стене, а реж рублен на 4 же угла по 16 рядов в стене. И та башня от земли подгнила, и в стенах бревна ветхи, и мосты подгнили ж, и кровля на ней згнила, вперед в новую башню те бревна не годятся, а пригодится тое башни стальных и среднево мосту бревен в городовое дело в стене над городнями, под обламы, на мост, что невеликое».

Название башни – Спасская – говорит о том, что на ее стене была расположена икона с образом Спаса. Поскольку башня проездная, она имеет ворота. В плане она является четырехугольной с размерами сторон более 6,8 м, скорее всего, была срублена в «обло» с остатком. Сложена из нетолстых брёвен диаметром около 21 см, судя по дальнейшим описаниям это самая мощная и значительная башня как по всем трем размерам, так и по качеству леса. В башне устроены обламы, что характерно для традиционной русской острожной архитектуры. Высота стен до обламов около 7,4 м, высота обламов – 3,19 м. Упомянутый в росписи «реж» – вид бесстропильной надежной конструкции для установки кровли и смотровой вышки (рис. 14). Аналогами являются шатры таких построек Русского Севера, как Успенская церковь в Кондопоге, церковь в с. Саунино, Петропавловская церковь в с. Вирма.

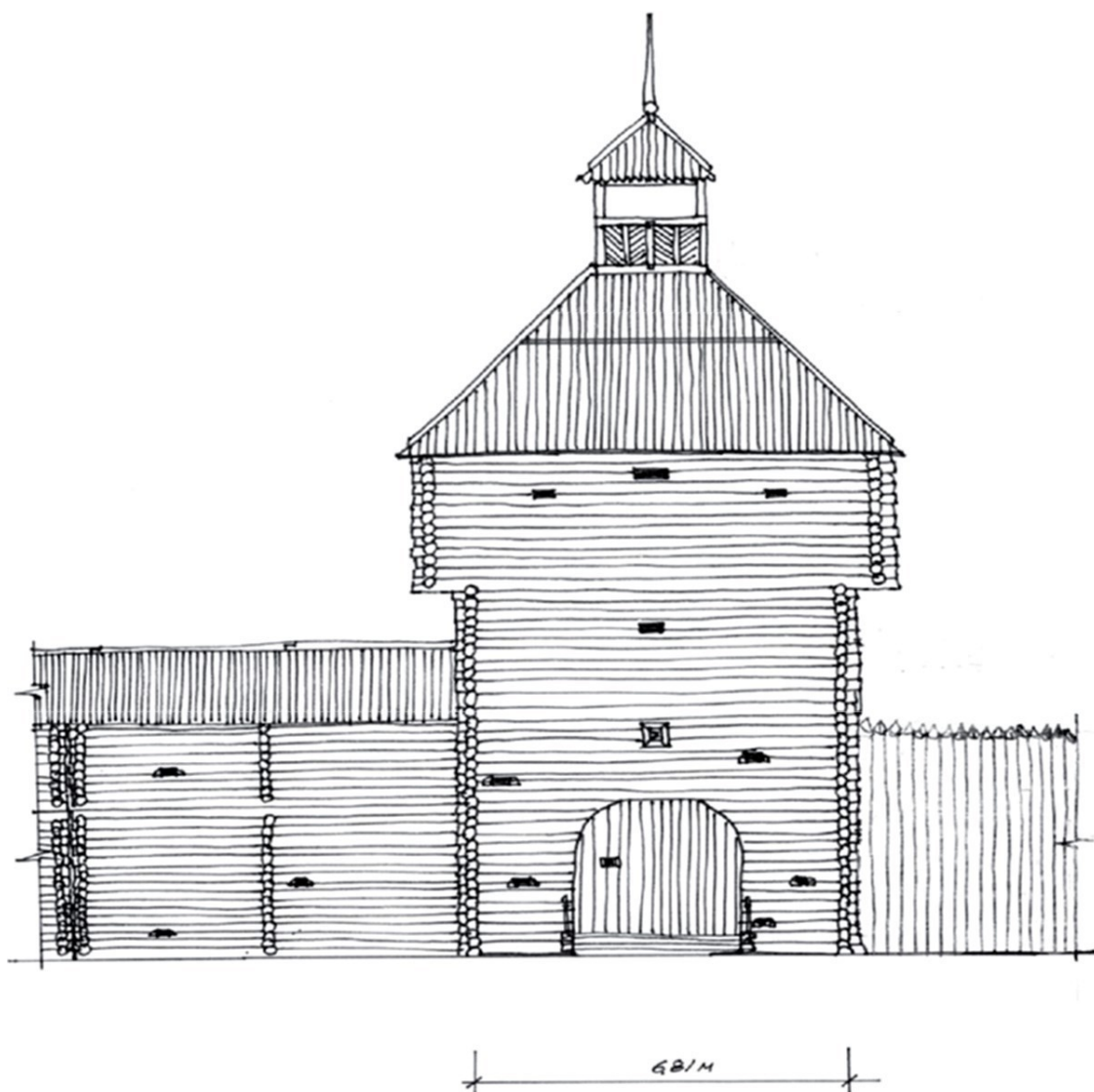

Рис. 13. Первая Спасская башня города Берёзова. Реконструкция А.Ю. Майничевой

Рис. 14. Различные виды сторожевых вышек на башнях (см.: Крадин, 1988)

Реж выполняется из брёвен в виде пирамидальной конструкции с врубками не более одной трети бревна с их постепенным смещением к центру. Его высота более 3,4 м. Смотровая вышка в описании не упомянута, но, во-первых, задачей сметчика было не описание башен, а установление пригодности для дальнейшего использования их как в собранном виде, так и при разборке на бревна, во-вторых, именно использование конструкции «реж» говорит о наличии вышек. В-третьих, чертеж С. Ремезова 1701 г. косвенно свидетельствует о наличии вышек на всех башнях даже на рубеже XVII-XVIII вв., а уж в первой половине XVII в. в условиях беспокойной в военном отношении ситуации в Приобье они были просто необходимы.

От городской Спасской башни *«до другие городовые глухие башни, что словет Пермская, на углу от лесу городовые стены было 26 сажень с полусаженью, от земли в вышину по обламы тое городовые стены было пол 2 сажени, а в сажени 16 бревен, в отрубе в 4 вершка аришинных бревно, а вверх от обламов до кровли было тое стены сажень, а городен было в той городской стене 16, и та городовая стена вся подгнила и завалилась, и городни подгнили же, и стенные бревна и перерубы в городнях згнили ж, ни в какое дело тот лес не годитца»*. Таким образом, до Пермской башни была устроена стена из 16 городен, имеющих обламы (рис. 15, 16), расположенные на высоте *«пол второй сажени»*, т.е. 1,5 сажень, что составляло около 3,15 м. Высота обламов была 2,13 м. Пермская башня не имела ворот и *«... мерою стенами и вверх рублена такова ж, что и первая башня, а бревна в стенах ветхи и от земли подгнили, в новую башню тот стенной лес не годитца, и мосты в той башне и на ней кровля згнили же, и что невеликое тое башни стенных бревен годитца в городовое дело над нижними городнями на мост»* (рис. 17).

От Пермской башни до третьей глухой (т.е. не имевшей проезда), *«что словет Вымская, которая стоит на углу»*, были расположены *«городовые стены... 26 сажень без аришина, а городен в той стене нет ничего, все згнили, и сколько было городен, тово не знать. И меж Пермские и Вымские башен поставлен вместо городовые стены стоячей острог, в отрубе от вершины в 4 же вершка бревно, и тот острог годитца в острожное дело, а тое Вымские башни стенные и мостовые бревна и кровля погнили, ни в какое дело тот лес не годитца»*. Рядом со стеной был когда-то выкопан ров, обе стенки которого укреплялись тыном: *«... и во рву по обе стороны был тын стоячей вострой, и тот ров осыпался, и во рву тын огнил, а от городовые стены до того рву сажень с аришином»*. В названия башен – Пермская, Вымская – отражены направления от Берёзова на Пермь и на Вымь.

Рис. 15. Обламы башен (см.: Крадин, 1988)

Рис. 16. Облам Северной башни Казымского острога. Музей под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Фото А.Ю. Майничевой. 2009 г.

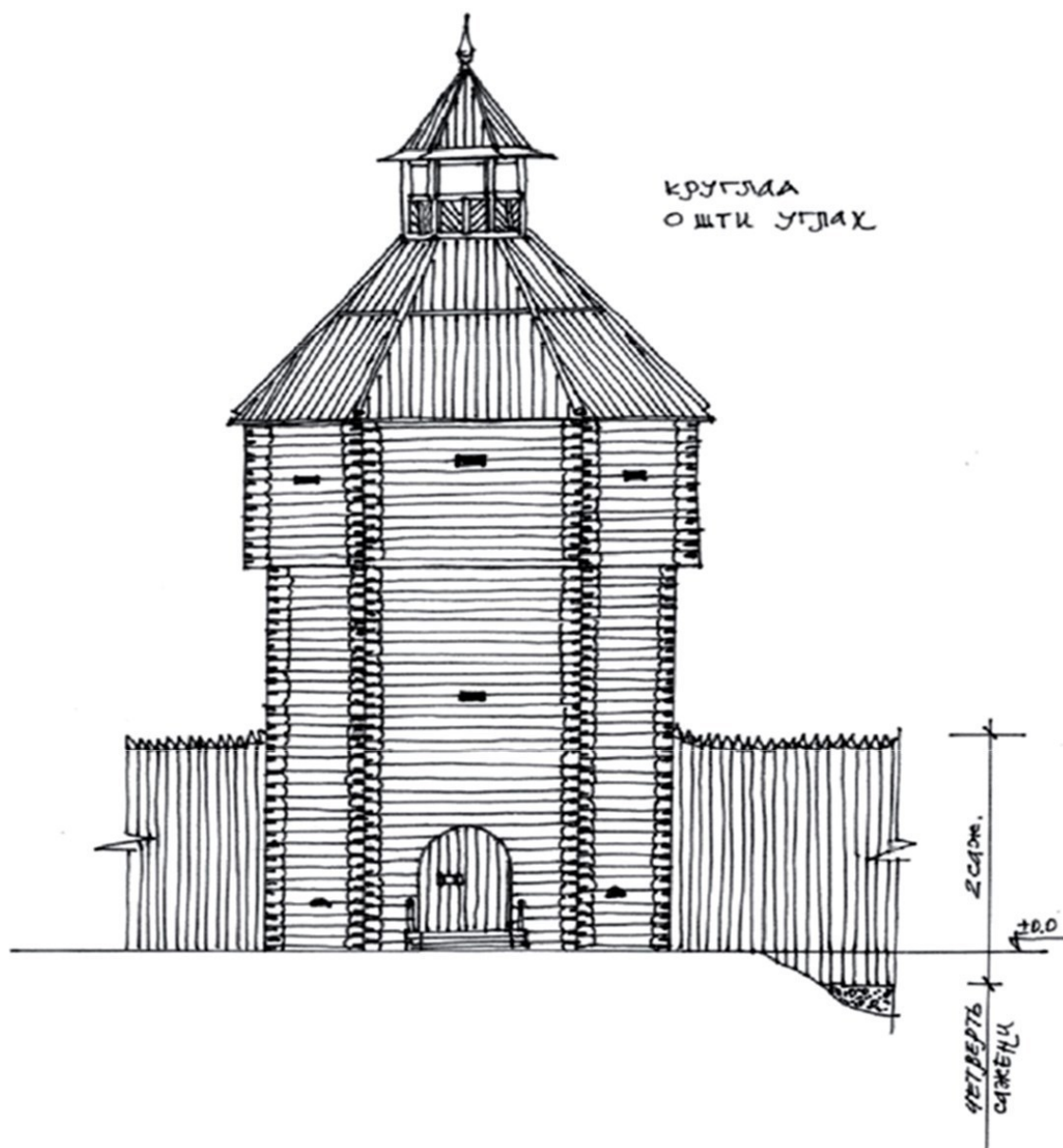

Рис. 17. Пермская башня города Берёзова. Реконструкция А.Ю. Майничевой

Из росписи следует, что от Вымской до четвертой башни города – шестиугольной Круглой («о шти углах»), имеющей малые ворота, идет стена размером 23 сажени (55,38 м), что несколько меньше, чем прочие стены города (видимо, строители стремились сделать план города подквадратным), потому что, «по скаске березовских служилых людей, та круглая башня от берегу переставлена выше, потому что ис-под тое башни берег осыпался в Вагулку-реку». Вместо городских стен, таких как между первой Спасской и Пермской – городнями, «поставлен стоячей острог», состояние его определено как вполне сносное «и тот острог годитца в острожное дело». Около стены выкопан еще один ров, однако «тот ров осыпался, и во рву тын згнил, а через ров вперед городовые стены в ширину прибавить нельзя, потому что к той городской стене блиско подошел баярак». Дальнейшее описание показывает печальное положение: «...бревна в Круглой башне стенные и мостовые и на ней кровля погнили, ни в какое городовое и острожное дело вперед не годитца. А сколько в той городской стене было городен, и того не знать, что та городовая стена вся погнила и завалилась».

Шестиугольная Круглая башня (рис. 18) стоит на углу острога и имеет ворота, строители удачно взаимоувязали все эти характеристики, так как в многоугольной башне удобно устройство проезда «с угла», что было использовано и в восьмиугольной острожной Спасской башне. Аналогами их могут быть многоугольные башни Кемского острога и Николо-Карельского монастыря. Поскольку специальных указаний нет, то башня могла быть срублена как в «обло», так и «в лапу» (рис. 19-21), что делает устройство шестиугольной призмы более простым.

Шестигранная форма башни выделяет ее из всех остальных (рис. 22). В связи с этим можно сделать предположение о том, что ее могли использовать в качестве колокольни для уже существовавшей церкви Рождества Богородицы или, по крайней мере, для установки восточного колокола. Шестиугольные колокольни и башни не были редкостью в XV-XVII в. Например, деревянная колокольня тобольского собора Софии Премудрости слова Божьего (1624) (Майничева, 2000, с. 34). В любом случае гипотеза о культовом, значимом в мировоззренческом плане, но впоследствии утраченном значении формы шестигранника имеет право на существование (Майничева, 2000, с. 34-37).

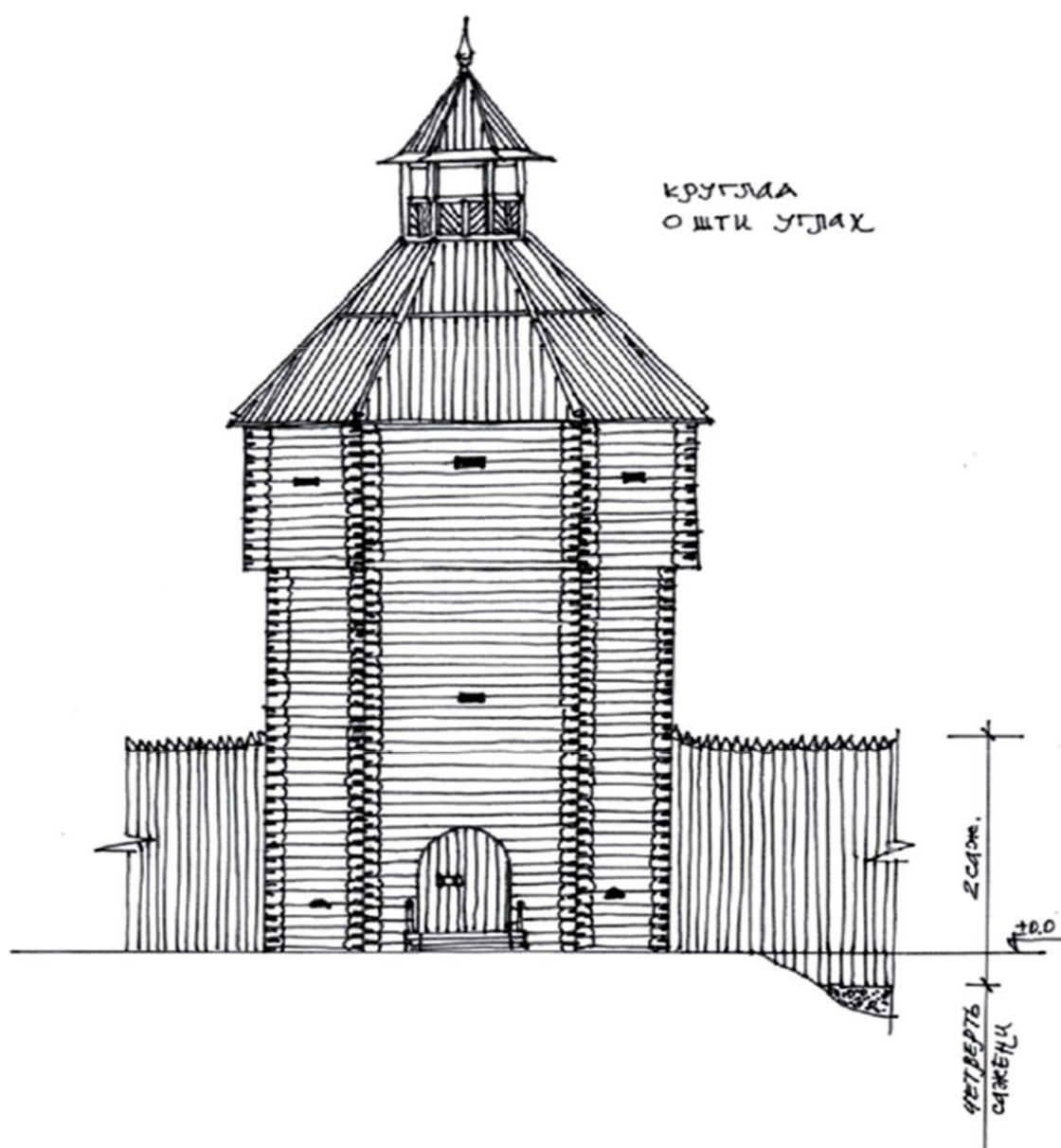

Рис. 18. Городовая башня Круглая «о шти углах». Реконструкция А.Ю. Майничевой

Рис. 19. Башни Якутского острога. Рубка «в лапу» (см.: Крадин, 1988)

Рис. 20. Рубка в лапу в острожных башнях, фрагмент (см.: Крадин, 1988)

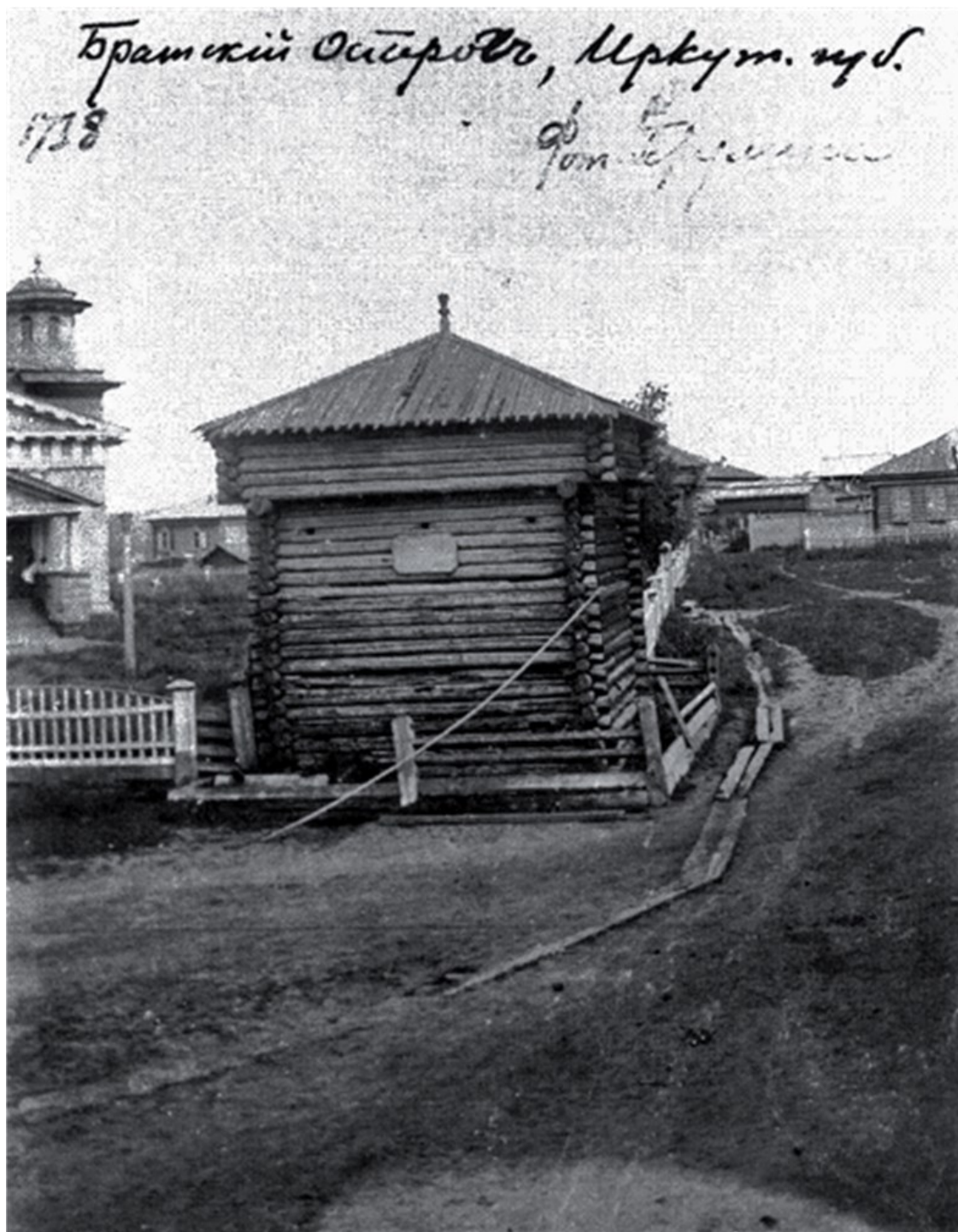

Рис. 21. Башня Братского острога. Рубка «в обло». Фото конца XIX в. Фотофонд ИМК РАН

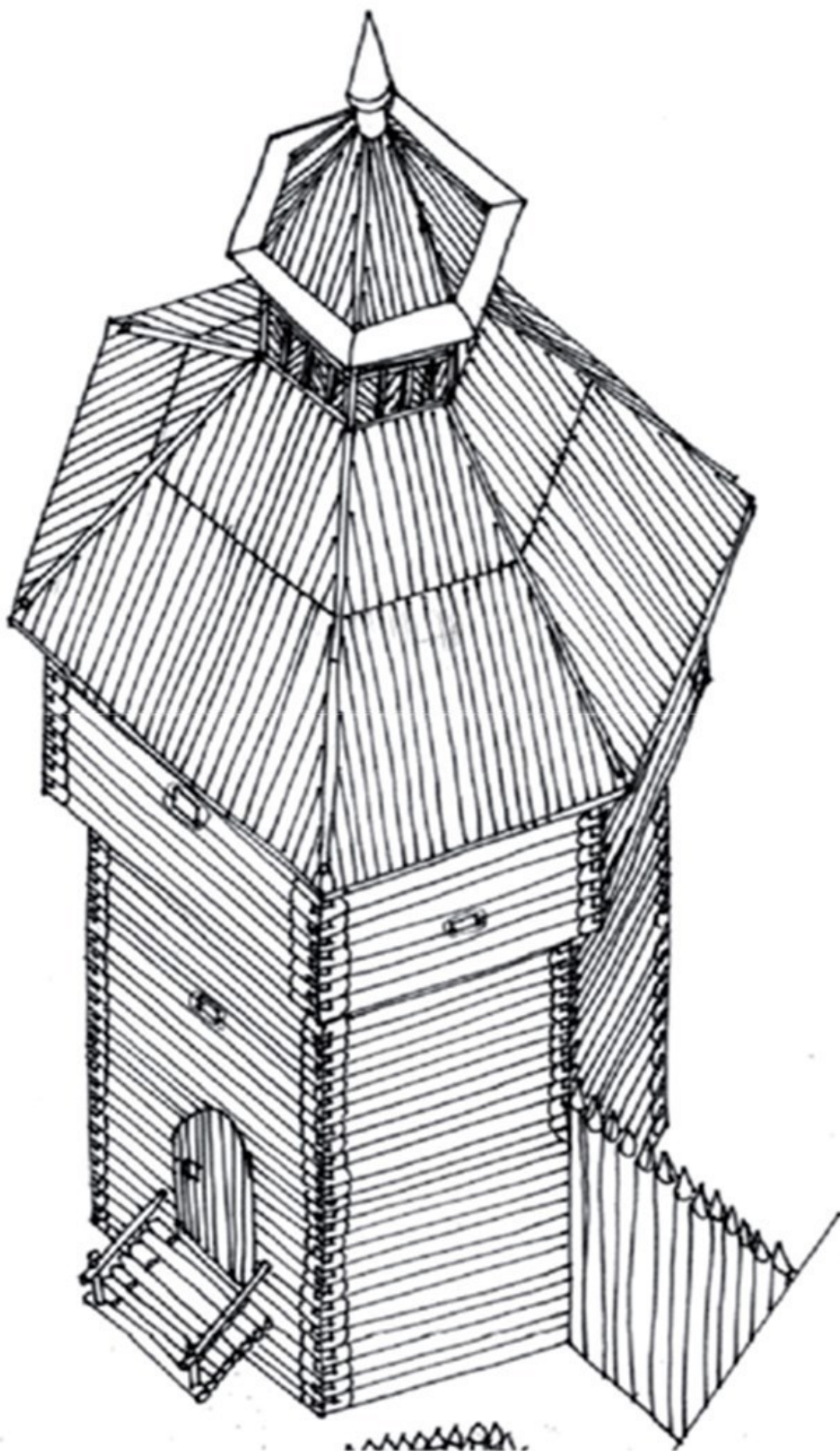

Рис. 22. Городовая Круглая башня Берёзова. Реконструкция А.Ю. Майничевой

Из описания выясняется, что *«от Круглые четвертые башни до первые городовые воротные башни по край Вагулской протоки городовые стены было 27 сажень с полусаженью, и с тем, что в той городской стене сперва вместо города поставлен воеводичей двор на 10-ти саженьях, и та городовая стена вся ж погнила и завалилась, а сколько в той стене было городен, и того не знать. И подле тое самую городовую стену и подле воеводичей двор берег осыпался в Вагулку-реку. И вместо городовые стены от Круглые башни до воеводичьего двора поставлен стоячей же острог, и тот острог худ и пошатился под гору ж, и вперед ни в какое городовое и острожное дело тот острог не годится»*. Известно, что городни часто использовались не только в качестве оборонительных конструкций, но и для жилья, устройства лавок, складов и пр. В Берёзове в стену был встроен воеводский двор (рис. 23), который мог примыкать к Спасской городской башне через несколько городен, между ним и Круглой башней был поставлен тын, что являлось все-таки отступлением от общих правил, поскольку в дальнейшем было указано: *«...в городе... воеводичей двор переставливать на иные места, а воеводичьему двору быть в городе, а не в городской стене»*.

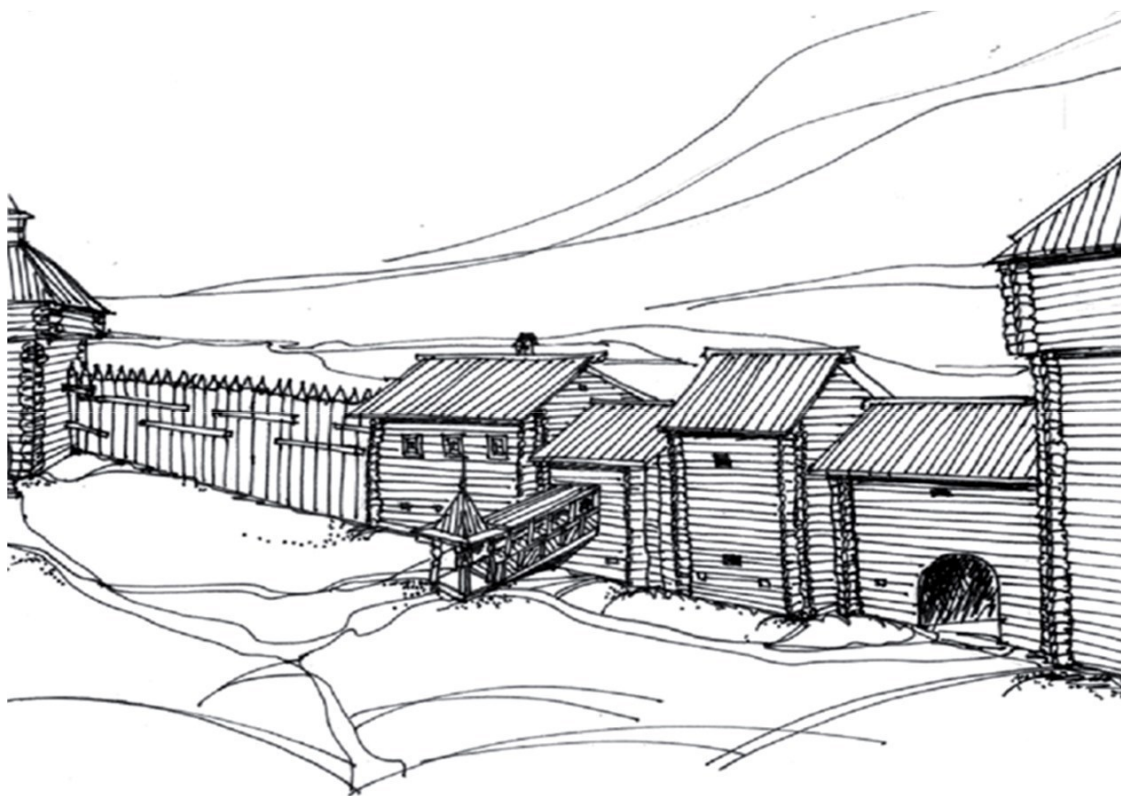

Рис. 23. Воеводский двор в Берёзове. Реконструкция А.Ю. Майничевой

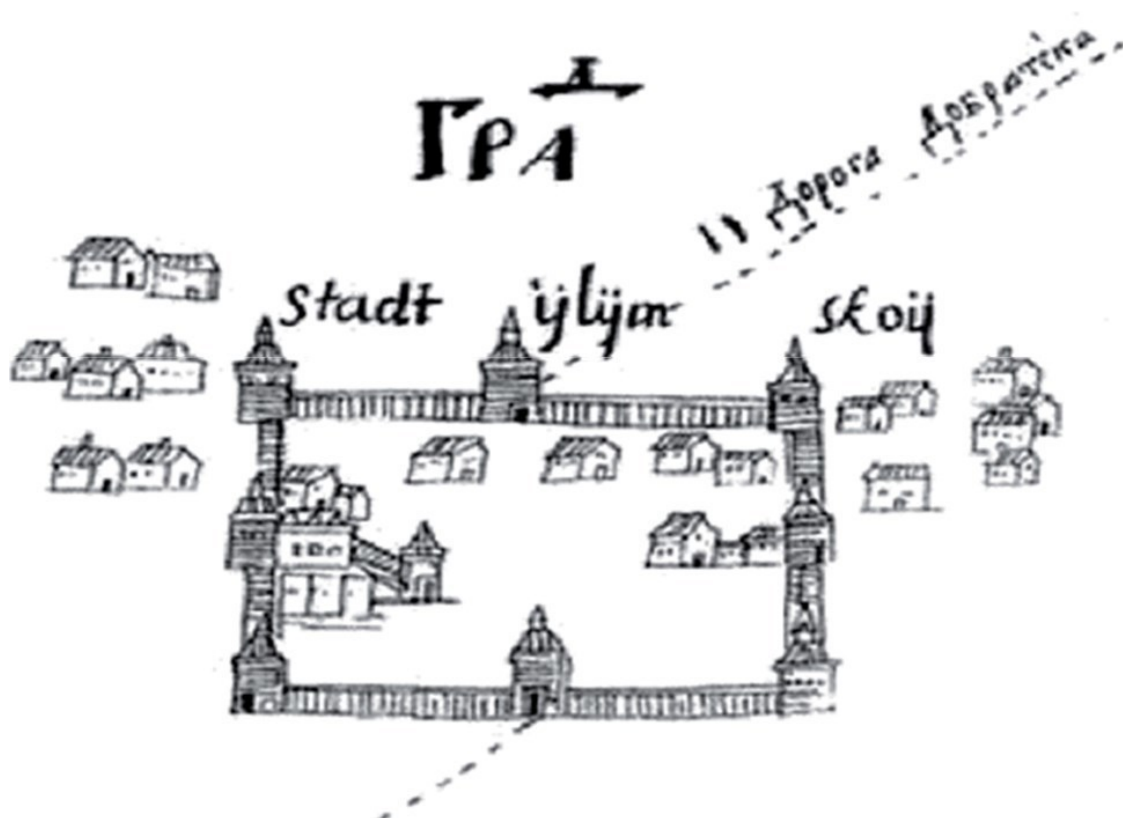

Рис. 24. Илимск. По чертежу С.У. Ремезова

В чертежах сибирских городов С.У. Ремезова можно найти аналог размещения воеводского двора в непосредственной близости от башни и стены – это Илимск, среди построек которого изображено трехчастное здание с эффектным выносным крытым крыльцом «под палаткой» – четырехскатной крышей (рис. 24). Вероятно, подобным же образом мог быть устроен воеводский двор Берёзова.

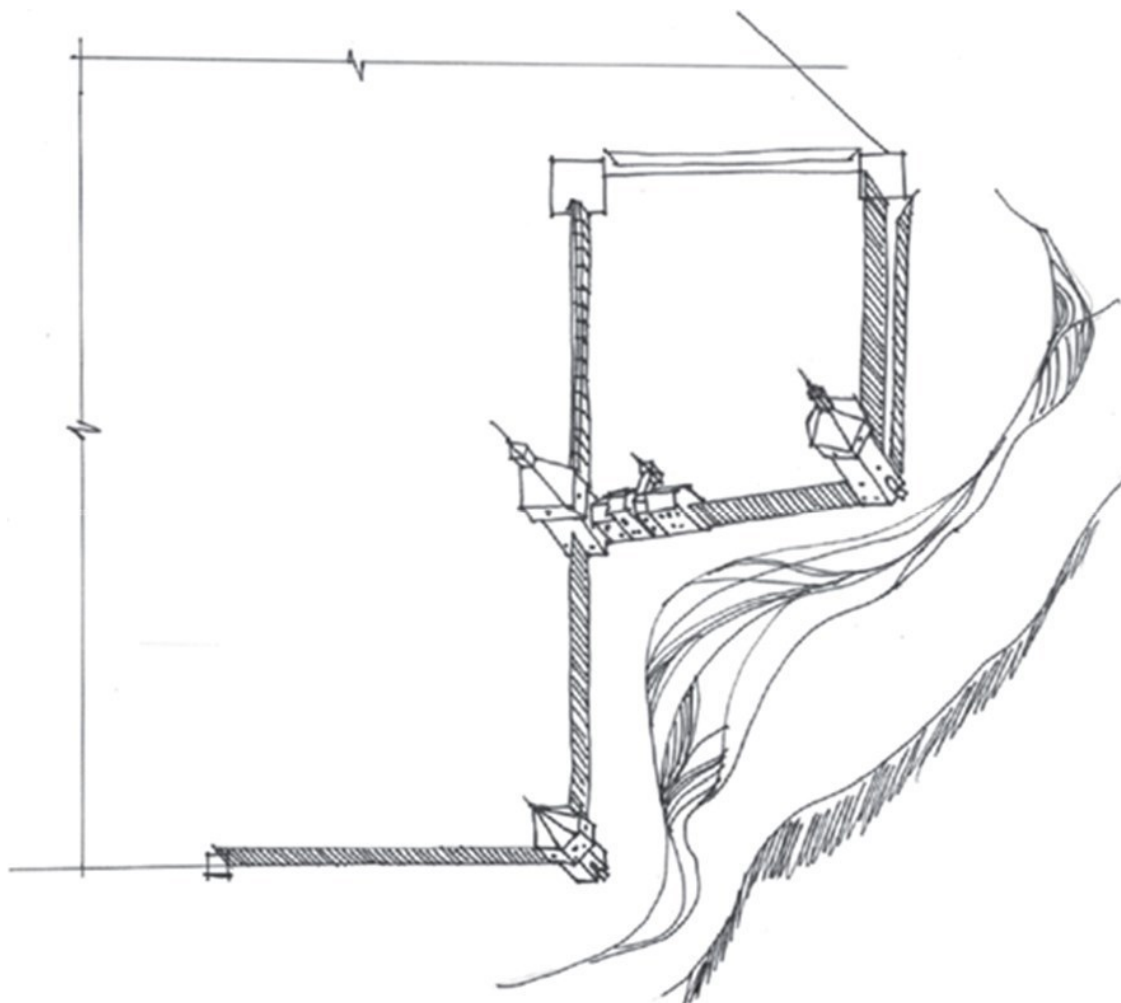

Рис. 25. Фрагмент планировки Берёзова с городовыми Спасской и Круглой башнями, воеводским двором в стене и острожной Спасской башней. Реконструкция А.Ю. Майничевой

Подробное описание острога дает возможность реконструировать и его (рис. 25). Всего в остроге было пять башен: четыре с воротами и одна глухая.

Основной бедой для прочности конструкций острога, как и города, было осыпание берега реки и порча деревянных конструкций построек: «... от первые городовые Спаские баини по край Вагулские протоки поставлен острог, и того острогу до первые острожные баини 28 сажень, а приставлен тот острог х казачьим дворам, которые в остроге блиско подле стену, и тот острог худ, подгнил и пошатился к реке под гору, потому что тот берег осыпаетца в реку, а вперед под гору тово острогу подвинуть нельзя для того, что тот острог поставлен на самом берегу».

Первая острожная башня также называлась Спасская (рис. 26): «Баиня от реки первая острожная болия, слово Спаская, с проезжими ворота, рублена круглая об 8 углах, с ысподи подгнила в сажень, и в ней стенные бревна и мосты худы, и кровля погнила, ни в какое городовое и острожное дело тое баини лес не годитца, а рублена та баиня вверх до абламов боили 2 сажень, а режь рублена такова ж, что на городовых баинях». Опять-таки восьмиугольная форма баини заставляет задуматься о ее предназначении. Как и в случае с городской Круглой башней, она стоит на углу, поэтому въезд организован очень удобно. Возможно, и она использовалась как колокольня, например, для Троицкой церкви.

Далее идет описание всех башен острога с указанием размеров: «...от тое от Круглые баини острогу того реж 38 сажень до малые воротные баини, что слово Спаская ж, с

вороты от реки же, и тот острог, подле казачьих же дворов блиско, худ, подгнил и поделать того острогу не мочно. А стена Спаские четвероугольные башни 2 сажени и 4-х вершков аршинных с углами худа ж, и стенные бревна, и мосты, и на ней кровля погнили, а что невеликое тое башни с стенных бревен годитца в городовое дело на мост» (рис. 27).

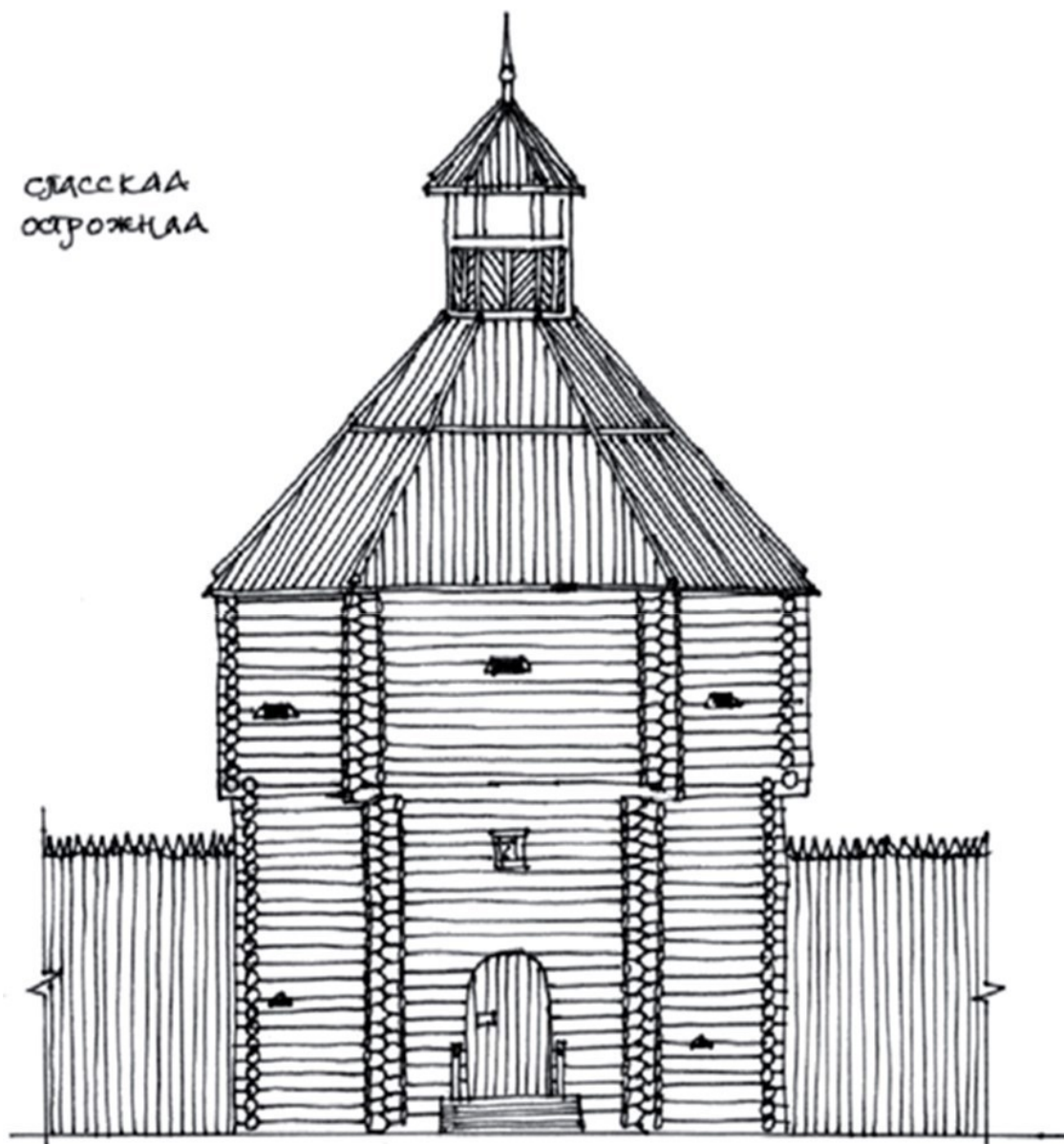

Рис. 26. Восьмиугольная Спаская башня острога Берёзова. Реконструкция А.Ю. Майничевой

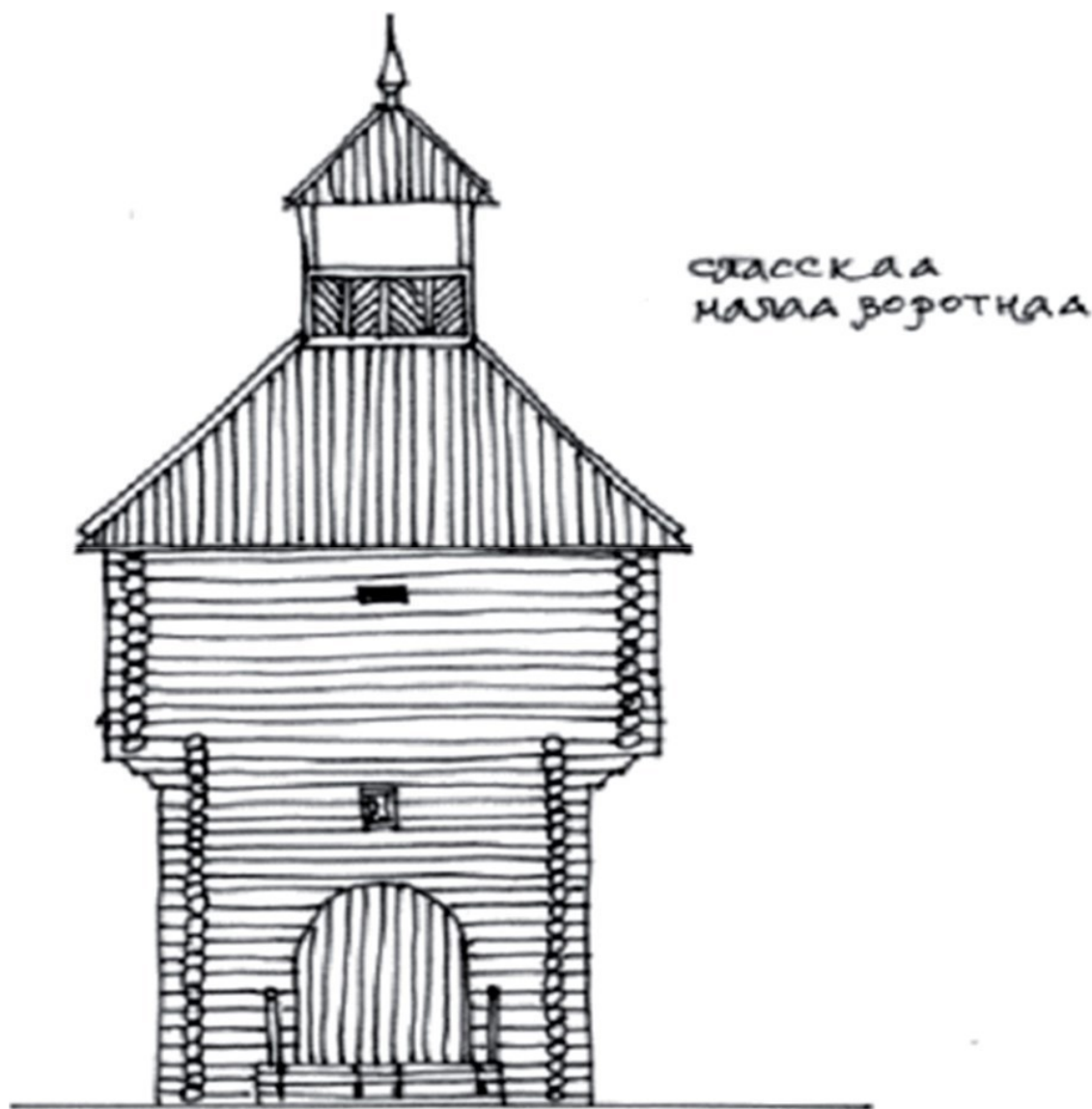

Рис. 27. Малая Спасская острожная башня Берёзова. Реконструкция А.Ю. Майничевой

«От тое Спасские башни острогу 90 сажени до глухие наугольные башни, что стоит на углу конец острогу, и тот острог весь от земли подгнил, поделати ево не мочно. А башня глухая рублена четверугольная ж, стена по 2 сажени с полуаршином с углами, и в той башне стенные бревна от земли подгнили и мосты и кровля подгнили же, что невеликое тое башни стенных бревен годитца в городовое дело на мост. А лес в стенах в тех в 3-х башнях в отрубе от вершины в 4 вершка аришинных бревно.

От наугольные от глухие башни острогу по ровному месту в ширину к наугольной же к Лесной башне 82 сажени, и тот острог от земли весь подгнил, и поделати ево не мочно. А башня Лесная, что на углу, болияя, рублена четверугольная с вороты, нова и добра, с мосты и с кровлю, стоять ей мочно. Стена тое башни по 3 сажени без полуаршина с углами в стене, а бревна в отрубе от вершины в 5 вершков аришинных бревно и болии. А вверх тое башни рублено до обламов 27 рядов, а в меру пол 3-и сажени от земли, а от обламов до режу рублено 12 рядов, а в меру в сажень, режу рублено 7 рядов, в отрубе по 4 вершка аришинных бревно» (рис. 28).

«От тое наугольные башни острогу по ровному ж месту назад к городу по другой стороне к острожной же к воротной башне 125 сажени, и тот острог от земли подгнил же, и поделати ево не мочно. А башня воротная рублена четверугольная добра, стоять ей мочно, стена той башни 2 сажени с арином. От тое воротные башни острогу, что приведен клином к городской

к Вымской башне, 52 сажени, и тот острог от земли подгнил же, поделати ево нельзя. ... а ото рву против Пермские башни до острогу 19 сажень».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.